

ГЛАВА 1

ОБОРВАННАЯ НИТЬ

Ио стояла у края крыши, пытаясь убедить себя сделать первый шаг.

Она объясняла уже тысячу раз: ее пугает не высота, а... граница. Она спокойно ездила на подвесном трамвае и могла станцевать чечетку на балконе, но для того, чтобы пересечь подвесной мост, ей нужно было остановиться, сделать несколько глубоких вдохов и мысленно уговорить себя на это.

«Дуреха, — обращалась к сестре Таис, когда Ио была помладше. — Ты рождена мойрой, а значит, можешь видеть нити судьбы. Разве твоя вот-вот распустится?»

Обменявшись понимающими взглядами, Таис и Ава, третья сестра, валили Ио с ног. Они сплетались в клубок и с диким хохотом катались по земле, пока Ио не признавала поражение. Ава находила нить жизни Ио и несколько раз дергала за нее. Та натягивалась, сияя так же ярко, как серебряная цепочка.

«Посмотри, — упрекала Таис. — Крепка как никогда».

«Ей просто нравится бояться, — посмеивалась Ава. — Чтобы был повод ничего не делать».

И маленькая Ио каждый раз ныла: «Неправда!»

На самом деле она терпеть не могла нытье, но сестры сами были виноваты: они обращались с ней как с ребенком, — поэтому она и вела себя как ребенок. Их родители до самой смерти работали на Равнинах Нериды за городом, и сестрам с юных лет приходилось самостоятельно заботиться о себе. Главной у них стала Таис, самая старшая: она убирала, готовила и распоряжалась финансами. Ава, которая была на два года младше, отвечала за развлечения — придумывала игры, чтобы занять их время, и гадала людям за небольшую плату. А Ио, появившаяся на свет через шесть лет после Авы, была малышкой, которую нянчили и дразнили. *«Одна душа, расколотая на три тела»*, — заговорщически шептали сестры, прижавшись лбами в своей общей постели.

Конечно, это было много лет назад. До того, как Таис уехала из города, до того, как все изменилось.

Ио осторожно ступила на мостик. Он подрагивал под ее весом, постанывая при каждом шаге. На самом деле этот мостик не предназначался для людей. Длинная тонкая полоска металла была сделана специально для кошек, чтобы те могли передвигаться по городу во время приливов, — таков был городской план по сдерживанию роста популяции грызунов, переносящих болезни.

Проблема кошачьих мостиков заключалась в том, что у них не было перил. По мнению городских властей, *кошки не теряют равновесия*. Вот только это не так: они могут поскользнуться и упасть, как и любое другое существо, просто обычно они приземляются на лапы.

Ио считала, что все это противоречит здравому смыслу: приземляться под кошачьими мостами не на что — внизу лишь мутная приливная вода, которую, как уже установлено, кошки ненавидят.

Перила были просто необходимы. И все же они отсутствовали. Этот факт, по мнению Ио, в значительной степени характеризовал затонувший город Аланте: потребности населения здесь никогда не учитывались. Люди чего-то хотели, им в этом отказывали — и в итоге они научились обходиться тем, что имели.

Перил у Ио не было, а вот страха — предостаточно. Она заворачивалась в него, прикрывалась им, точно щитом. Вот чего сестры так и не поняли: страх не обездвигивает. Он делает тебя осторожной, бдительной. Ио всегда — *всегда* — была начеку. Вот почему она преуспела в своей работе. Она прошла по мостику маленькими размеренными шажками и, вновь ступив на твердую землю, облегченно выдохнула.

Люк на крыше заброшенного театра был заколочен кое-как — Ио легко проскользнула внутрь. В нос ударил запах гнили. Опираясь ладонью о стену, Ио спустилась по лестнице сквозь густую тьму. Когда черноту ночи прорезал серебристый лунный свет, Ио увидела большой зал. Доски, из которых была построена сцена, раздулись от влаги, остальная часть огромного помещения вместе с двумя тысячами сидений полностью погрузилась под воду, так что различить можно было лишь мрачные очертания. Ио натянула шарф на нос и обошла галерею — она направлялась к главной ложе, которая рухнула много лет назад вместе со стеной.

Зрелище было безобразное: со всех сторон, словно изнутри выпотрошенного зверя, свисали доски, провода и остатки бетонных конструкций. Тем не менее за ними открывался потрясающий вид. Рухнувший балкон театра на Птичьей улице был одним из немногих мест в Илах, откуда можно увидеть все три луны: Пандию, самую большую и яркую; Немею, чья орбита почти касается горизонта; и Эрсу, которая восходит и заходит за считанные часы. Сейчас в небе была только Эрса — она наполняла мир молочно-розовым светом. Покрытые росой обои окрасились в персиковый, вода на улицах — в нежно-вишневый. Благодаря этому свету можно было назвать город, до краев заполненный ночным приливом, почти прекрасным. Ио мечтала, что однажды накопит достаточно денег и купит фотоаппарат, чтобы увековечить это неземное зрелище.

В многоквартирном доме напротив, на третьем этаже, в крайнем левом окне замигал свет. Ио оторвала взгляд от луны и надела очки. Конечно же, это была та самая квартира, за которой ее наняли присматривать. Внутри двигалась фигура — или, возможно, две? Ио соскользнула вниз и уперлась ладонями в расщепленное дерево балкона. *«Прежде чем натянуть Полотно, убедись, что ты в безопасности, — учила Таис. — Ты же не хочешь упасть с крыши, правда?»*

Ио моргнула — и перед ее глазами возникло Полотно — сплетение нитей, лежащих на поверхности физического мира. Лишь мойры, потомки богинь судьбы, могли видеть эти серебряные линии, которые тянулись от каждого человека, соединяя его с тем, что было ему дороже всего на свете.

Ио сосредоточилась на квартире на третьем этаже. На Полотне сквозь кирпичи и дерево она увидела двух человек. Из тел выходили десятки нитей, связывая их с разными местами, предметами и людьми, которые они любили. Одна из ярчайших нитей соединяла фигуры вместе, живо пульсируя, — и этот блеск затмевал все вокруг. *«Исключительное сияние любовной нити»*, — зачарованно говорила Ава.

Скорее, *исключительно тоскливое мерцание подлой интрижки*. С губ Ио сорвался вздох. Ну почему всегда измена? Почему не странное хобби или занятие в вечерней школе — что-то, что не разбивает сердца? Ио представила себе завтрашнюю встречу с клиенткой Исидорой Магнуссен. Та будет сидеть за самым дальним столиком в кафе на Шалфейной улице, теребя полы пальто, словно кухонное полотенце, и Ио придется сказать ей: «Да, ваш муж действительно ходил в квартиру, которую якобы продал три недели назад. Да, он был не один». А затем последует самое сложное — вопрос: «Он ее любит?»

Любой другой частный детектив пожал бы плечами и сказал: «Откуда мне знать?» Но Ио была не такой. Она была рождена мойрой. Вот почему клиенты выбирали ее: они хотели не просто знать, изменяют ли им их близкие, играют в азартные игры или выпивают. Они хотели знать секреты, которые могло раскрыть только Полотно: любят ли их супруги своих любовниц, игры и выпивку сильнее, чем *их*.

Ио придется сказать ей: «Мне жаль, миссис Магнуссен. Их нить такая яркая, что я не смогла смотреть на нее дольше двух секунд. Это значит, что ваш муж влюблен

в нее». «А еще это значит, что я хочу провалиться под землю прямо в этом кафе и больше никогда не возвращаться оттуда». Вот что давало ей кров и пропитание — она разбивала сердца людей.

Ио еще какое-то время наблюдала за двумя фигурами — просто чтобы убедиться в своей правоте. Она больше не видела на Полотне тел — лишь нити, но ошибки быть не могло: пара слилась в объятии, серебро их нитей переплелось. Щеки Ио вспыхнули — она отвела взгляд.

Вдруг что-то привлекло ее внимание — что-то рядом с парой, на третьем этаже многоквартирного дома. Это был человек, но в то же время и... не человек.

У не-человека была всего одна нить. Люди много чего любили: они привязывались к другим людям, к местам, к предметам, к идеям. В среднем у каждого человека было около пятнадцати нитей. Меньше всего их было у новорожденных: нить жизни, нить любви к матери и нить любви к пище — две последние обычно сплетались в одну. Но у этого не-человека, находившегося в коридоре многоквартирного дома, нить была всего одна. Само по себе такое, конечно, маловероятно, но все же не невозможно.

Невозможным же был тот факт, что нить была оборвана. Один ее конец выходил из груди, а другой, полностью истрепавшийся, безвольно волочился по полу. Но ведь все нити должны *связывать* — не существует такой вещи, как нить с одним концом!

Хуже всего было то, что оборванная нить была натянута под странным углом — как будто ее сжимали обеими руками. Такая тугая — ею можно было запросто

перерезать чужую нить. Этот незнакомец с одной нитью, эта обратная сторона вероятности, был резчиком. Ио поняла это, потому что принадлежала к ним и сама.

Резчик приближался к квартире влюбленных, вооружившись своей единственной нитью. Плечи Ио напряглись. У нее перехватило дыхание.

«Дуреха», — произнес в голове Ио голос сестры.

Она выдохнула и сорвалась с места.

* * *

Дверь квартиры была приоткрыта.

Когда Ио вошла, ее сердце бешено забилося. Она оказалась в длинном коридоре с тремя открытыми дверями, за которыми скрывалась тьма. Сосредоточившись на том, чтобы добраться до здания, Ио сбросила Полотно, но теперь снова натянула его. Во второй комнате замер резчик со своей единственной нитью. В углу притаился еще один клубок.

Ио почувствовала на языке острый и резкий вкус страха. Собственные движения казались ей заторможенными, словно она шла под водой. Она схватила пальцами одну из своих нитей — сейчас было не важно, какую именно выбрать, — и обмотала ее вокруг указательного и большого пальцев. Перерезать нить можно только другой нитью. Если незнакомец вооружен, Ио тоже будет наготове.

Ковер приглушал звуки ее шагов. Над узким столиком, полным маленьких флакончиков с косметикой, висело зеркало, в котором отражалась женщина.

Из собранной на затылке в пучок косы выбились седые волосы, живот неестественно выдавался вперед. Единственная нить спускалась сквозь пальцы на пол, обвиваясь потрепанным концом вокруг лодыжки женщины, точно змея.

Ио не понимала, что видит. Вблизи эта нить ярко блестела, как и подобает нити жизни — важнейшей из нитей. Но обычно нити жизни устремлялись в небо, исчезая среди облаков. А эта волочилась по полу — оборванная, пугающая своей неправильностью.

Эта женщина должна быть мертва.

Вдруг Ио заметила на полу мужчину. Она сразу его узнала — миссис Магнуссен показывала ей свои свадебные фотографии. На нем не было ничего, кроме полосатых боксеров, шея неестественно выгнулась. Свет Эрсы придавал его лицу румянец, но это была лишь иллюзия. Ни одной нити на Полотне. Мужчина мертв. Внимание Ио привлекло шумное дыхание в глубине комнаты. За креслом пряталась женщина — в нижнем белье, она тихонько всхлипывала, обнимая колени. Ио потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить эти белокурые волосы, — ассистентка мистера Магнуссена. Она видела их вместе этим утром, когда они курили на улице возле офиса. Тогда это показалось ей невинной светской беседой, но теперь стало очевидно, что ассистентка была его тайной любовницей.

Старуха с неправильной нитью стояла неподвижно, как статуя, — подняв голову и свысока оглядывая комнату. В лунном свете Эрсы ее серебряные волосы словно утопали в розовых бутонах. Ио должна уйти. Должна вернуться к входной двери, разбудить криками весь

дом, найти способ спугнуть старуху, чтобы ассистентка мистера Магнуссена не пострадала.

«Иди», — умоляла Ио саму себя. Она сделала глубокий вдох.

В тишине он прогремел как выстрел. Старуха наклонила голову — их взгляды встретились в зеркале.

— Есть преступления, — отрешенно произнесла та, будто в трансе, — которые нельзя оставлять безнаказанными. Я восстану из пепла дочерью пламени.

Прежде чем Ио успела среагировать, старуха набросилась на нее вихрем седых волос и острых костей. Их тела столкнулись. Ио упала на спину — женщина нависла над ней и принялась бездумно колотить руками, царапая лицо и грудь. Ио попыталась сбросить с себя старуху, но лишь ударилась о стену.

Услышав громкий стук, незнакомка остановилась и посмотрела на Ио. Точнее — на нить между ее большим и указательным пальцами.

— Какая красивая нить. Маленькая мойра, — прохрипела она. — Я вижу тебя. И твои преступления.

У Ио была секунда, чтобы подумать: «*Какие преступления?*»

Содрогнуться: «*Какие именно преступления?*»

И запаниковать: «*Я так много их совершила.*»

Через мгновение старуха вновь начала колотить ее и царапать облупленными ногтями. Щеку и шею пронзила боль, пробуждая Ио от шока. Она схватила первое, что попало ей на глаза, — волосы старухи — и потянула. Та рухнула на пол с животным криком. Ио вскочила и побежала к открытой двери. Незнакомка бросилась за ней, натываясь на стены.

— Прячьтесь! — крикнула Ио через плечо плачущей ассистентке, надеясь, что та послушается.

Как только Ио оказалась за дверью, она принялась звать на помощь, то и дело оглядываясь на безумное существо, следующее за ней по пятам. Старуху можно было назвать лишь *существом*: она неуклюже перемещалась на четвереньках, хватая воздух кривыми пальцами. А нить, ее жуткая разорванная нить жизни, все еще мерцала в ее руке — оружие, готовое нанести удар.

— Помогите мне, черт возьми! — закричала Ио, колотя кулаками в чью-то дверь.

Эта заминка дорого ей стоила: старуха в мгновение ока догнала ее. Пальцы вцепились в штанину Ио. Девушка с глухим стуком повалилась на пол, больно приземлившись на ладони и колени. Ио повернулась и с ужасом заметила, что в правой руке женщина сжимает одну из ее нитей.

В этот момент дверь вдруг распахнулась — и коридор наполнился светом. В проходе появился высокий темнокожий мужчина и стал ругаться на них на иностранном языке — куркзский?

Нависшая над Ио старуха замерла.

Лишь это и было ей нужно. Мгновение. Передышка. Один выдох.

Она подтянула колено и с силой ударила женщину в челюсть. Та отлетела назад, описав дугу. Ио отползла, чтобы быть на расстоянии от зловещих пальцев старухи. Она уперлась спиной в стену в конце коридора и встала на ноги; из открытого окна высоко над головой подул прохладный воздух.

Из других квартир тоже вышли жильцы. Куркзец направился к ним. Ио хотела жестом попросить его держаться подальше, позвать на помощь, но почему-то не могла произнести ни звука...

Внезапно перед глазами Ио снова возникла старуха: та мчалась к ней, сжимая в левом кулаке разорванную нить жизни, словно серебряную веревку. Она была уже близко — так близко, что Ио почувствовала на своем лице пряди ее волос, за секунду до того, как сделала шаг в сторону от открытого окна. Женщина заметила это слишком поздно. Она затормозила, но инерция несла ее вперед. Старуха врезалась в подоконник, перевесилась через него и кубарем вылетела из окна.

Послышался отдаленный всплеск: женщина нырнула в приливную воду, затопившую улицы. Дыхание Ио стало прерывистым, как будто ее легкие уменьшились в два раза; руки онемели: одной она держалась за оконную раму, а другой вцепилась в собственную нить, которую схватила, чтобы защититься.

Ио не пошевелилась ни когда куркзец потряс ее за плечи, ни когда он высунулся из окна и объявил, что старухи нет. Она лишь стояла на месте, пытаясь отдышаться, — и медленно, очень медленно мир обретал четкость: она увидела выходящих из квартир жильцов, их халаты и взлохмаченные волосы, начала различать языки, на которых они говорили.

Ио по-прежнему стояла спиной к стене, сжав кулаки, как вдруг почувствовала вибрацию в груди. Одна из ее нитей пульсировала — неужели старуха повредила ее? Тело напряглось, внутри все заклокотало от нахлынувшей паники — сил на еще один бой у нее не было.

Вибрирующая нить туго натянулась, устремившись прямо по коридору, — она вела к парню, только что примчавшемуся по лестнице, — широкоплечему, смуглому, с кастетом на правом кулаке. Тот огляделся по сторонам и наконец заметил ее. Ио показалось, что он узнал ее: его брови низко опустились над темными глазами.

— Куда она делась? — спросил парень.

Ио кивнула на окно. Он повернулся и пошел прочь — ее нить потянулась следом. Ио никогда прежде его не видела, но уже знала, кто он такой.

Ее нить судьбы.

Парень, которого ей суждено полюбить.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

